

Протоіерей Петръ Прокофьевичъ Затворницкій.

25 января сего 1912 года отошелъ въ вѣчность на семьдесятъ второмъ году своей жизни вѣщатный протоіерей Петръ Прокофьевичъ Затворницкій послѣ двухкратнаго напутствованія его таинствами покаянія и св. причащенія. Вотъ краткій *curriculum vitae* покойнаго. Сынъ священника того же села Дейкаловки, гдѣ впоследствии слово истины право, правилъ свыше трехъ десятковъ лѣтъ почившій, Петръ Прокофьевичъ получилъ тщательное воспитаніе въ домѣ своего отца, человѣка, обладавшаго рѣдкими среди духовенства средствами и по прекраснымъ качествамъ своей души и братской общительности пользовавшагося въ мѣстной округѣ общими симпатіями и уваженіемъ. Среднее образованіе Петръ Прокофьевичъ получилъ въ Полтавской духовной семинаріи, окончивъ ее студентомъ. Богатыя воспоминанія и свѣтлыя и грустныя изъ времянъ ученія оставила по себѣ Переяславская семинарія, гдѣ нѣсколько лѣтъ ученія провелъ почившій. По окончаніи курса семинаріи Петръ Прокофьевичъ Затворницкій былъ опредѣленъ учителемъ Полтавскаго духовнаго уѣзднаго училища. Въ этотъ періодъ жизни на попринцѣ духовно-педагогическомъ намѣтно вниманіе и довѣріе къ покойнику со стороны архіепископа Полтавскаго Іоанна (Петина), вручившаго ему для воспитанія своего племянника. И въ теченіе своей послѣдующей жизни уже въ санѣ священника Петръ Прокофьевичъ пользовался неизмѣннымъ покровительствомъ и поддержкой архіепископа Іоанна. Изъ Полтавы Петръ Прокофьевичъ по болѣзненному состоянію своего здоровья пе-

ренесъ учебно-воспитательную дѣятельность въ родное село Деикаловку, гдѣ онъ былъ опредѣленъ наставникомъ приходскаго училища и вскорѣ былъ рукоположенъ архіепископомъ Іоанномъ во священника къ мѣстной приходской церкви. Облегаемый довѣріемъ духовенства, Петръ Прокофьевичъ несъ обязанности уполномоченнаго въ окружныхъ сѣздахъ, члена благочинническаго совѣта, а по опредѣленію епархіальнаго начальства былъ назначенъ депутатомъ мѣстнаго благочинническаго вѣдомства, наблюдателемъ церковныхъ школъ 4-го благочинническаго округа Зѣньковского уѣзда. За успѣшное преподаваніе закона Божія, неоднократно получалъ выраженіе одобренія съ денежной наградой отъ губернскаго и уѣзднаго училищныхъ совѣтовъ и былъ удостоенъ преподаванія благословенія Св. Синода. На двѣнадцатомъ году своей службѣ Петръ Прокофьевичъ былъ перемѣщенъ къ Святодуховскому собору г. Ромень съ назначеніемъ его членомъ Ромненскаго уѣзднаго училищнаго Совѣта. Этотъ періодъ перемѣщенія въ г. Ромны, кажется, совпалъ съ тяжелымъ душевнымъ потрясеніемъ, вызваннымъ потерей супруги и нѣкоторыхъ дѣтей, сдѣлавшихся жертвой грудной болѣзни, а съ теченіемъ времени этотъ неизлѣчимый недугъ окончательно осиротилъ Петра Прокофьевича, отнявъ у него и послѣднюю утѣху вдовыхъ священниковъ—всѣхъ остальныхъ дѣтей. Но недолго однако душа его мирилась съ вынужденной тяжелой потрясеніями семейной жизни разлукой съ роднымъ гнѣздомъ и дорогими могилами. Черезъ годъ съ небольшимъ по собственному влеченію своего сердца и желанію прихожанъ онъ снова архіепископомъ Іоанномъ былъ водворенъ на прежнемъ мѣстѣ своего служенія. Параллельно съ этимъ движеніемъ по службѣ Петръ Прокофьевичъ получалъ духовныя отличія отъ скромнаго набедренника до увѣчивающаго пастырскій трудъ и болѣзни наперскаго креста. Имѣлъ покойникъ и гражданскія отличія въ видѣ орденовъ, но о нихъ едва ли нужно говорить съ одной стороны потому, что въ дѣлѣ пастырскаго служенія они не должны имѣть существенно важнаго значенія, а также и потому лучше о нихъ умолчать, что за долгій періодъ тяжелаго, напряженнаго, глубокаго идейнаго пастырскаго труда увѣичаніе сдѣлать и собвеннаго стала единичнымъ отличіемъ, въ то время когда на

другихъ служебныхъ поприщахъ, съ меньшей затратой труда, съ вѣрнымъ, а не случайнымъ въ нашемъ быту обезпеченіемъ, безъ сердечныхъ терзаній и мукъ приходскаго пастыря грудь сравнительно молодыхъ людей бываетъ украшена цѣлымъ, употребимъ ходячее выраженіе, иконостасомъ отличій—при такомъ порядкѣ, повторяемъ, у патриарховъ изъ духовенства болтающей въ петличкѣ крестикъ вызываетъ жалкое, обидное настроеніе. А главное, самъ покойникъ дѣйствительно къ вышнимъ отличіямъ не стремился и ихъ не искалъ. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ полную противоположность одному изъ своихъ товарищей по семинаріи, который, собираясь праздновать свой 50-лѣтній юбилей и опасаясь, какъ бы не быть забытымъ въ представленіи къ очередной наградѣ—ордену, просилъ благочинническое собраніе своего же вѣдомства сдѣлать неправомочное постановленіе о представленіи къ ордену, въ свою очередь общая представить цѣлый списокъ подвѣдомственнаго духовенства къ очереднымъ наградамъ, что впрочемъ не было исполнено. Такъ изъ сопоставленія личностей познаются характеры. Но это, что называется, мимоходомъ. Надломленное трудами и болѣзнями здоровье Петра Прокофьевича побудило его выйти за штатъ. Но отдыхъ вполне заслуженнаго покоя былъ прерванъ предложеніемъ синархіальнаго начальства занять мѣсто уѣзднаго протоіерея и градскаго благочиннаго въ г. Зѣньковѣ. Тоска по живой дѣятельности пастырскаго служенія, близость новаго мѣста назначенія къ родному гнѣзду склонили его къ принятію лестнаго предложенія и, прослуживъ въ санѣ Зѣньковского протоіерея около пяти лѣтъ, Петръ Прокофьевичъ, теперь уже окончательно ушелъ на покой. На этомъ и оканчивается служебная карьера и послужной списокъ покойника. Но въ дѣятельности Петра Прокофьевича формуляръ представляетъ изъ себя сухой скелетъ, ни одухотворенный идейнымъ содержаніемъ живой пастырской дѣятельности покойника. На страницы формуляра обычно не попадаютъ самыя цѣнныя и содержательныя вѣхи на пути прохожденія утомительно трудной пастырской жизни и дѣятельности. Сухой перечень и голыя цифры формуляра скрываетъ за собою иногда прекрасныя, жизнецено-поучительныя страницы изъ жизни собрата, его скорби и радости, прет-

мновенія и возстанія, подвиги бореція и побѣды духа, но для большинства изъ насъ они остаются безвѣстными и быстро покрываются тепломъ забвенія. Такъ усталый путникъ за дикими, угрюмыми скалами и чахлою растительностью не замѣчаетъ дивныя картины мирной, спокойной красоты природы. Въ этомъ некрологѣ должно быть отмѣчено хотя кратко то, надъ чѣмъ болѣлъ и радовался духъ умершаго Петра Прокофьевича.—Имя покойника несмываемыми и неизгладимыми чернилами вписано въ исторію жизни дейкаловскаго сельскаго общества, его приходовъ и цѣлой волости введеніемъ общественной трезвости и закрытіемъ всѣхъ питейныхъ заведеній еще съ 1875 г. Что представляла изъ себя Дейкаловка до закрытія шинковъ, объ этомъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ вспоминають теперь сторожилы, и много усилій, много личныхъ непріятностей пришлось перенести Петру Прокофьевичу, пока желаніе и любезное дѣло общественной трезвости не завершилось полнымъ успѣхомъ—закрытіемъ всѣхъ шинковъ, процвѣтавшихъ въ Дейкаловской волости, на основаніи общественаго приговора отъ 22 февр. 1876 г., которымъ единогласно постановлено: „для искорененія пьянства нынѣ существующія шинковья заведенія не желаемъ, чтобы таковыя дальше существовали, а желаемъ, на основаніи закона, чтобы таковыя были закрыты: и кромѣ этого постановили слѣдующее: вышеозначенныхъ шинковыхъ заведеній, а также и другихъ хотя бы кто и ходатайствовалъ объ открытіи, имѣть не желаемъ не только въ этомъ году, но и на будущее время—навсегда“. А ходатайства объ открытіи шинковъ было много и ходатайства эти исходили не только отъ простецовъ, а были въ нихъ заинтересованы лица, занимавшія въ уѣздѣ высокое положеніе, какъ предводитель дворянства, а послѣ мировой посредникъ. Дѣлались попытки повалить столбъ, на которомъ держалось все дѣло общественной трезвости; передъ архіепископомъ Іоанномъ проводились недвусмысленныя намеки на нежелательность имѣть священника Затворницкаго, по любовь народа, быстро уснѣвшаго одѣлать всю благодѣтельность общественно-народной трезвости и ея насадителя, а также личная извѣстность Петра Прокофьевича владыкѣ Іоанну, который, ограждая дѣло трезвости и личность священника отъ посягательствъ своекорыстныхъ

дѣльцовъ, прямо заявилъ послѣднимъ, что священникъ Затворницкій у него изъ лучшихъ въ епархіи, чѣмъ и положилъ конецъ интриганству. Такимъ образомъ дѣло трезвости, которое только въ наше время нашло въ себѣ сочувственный откликъ и въ обществѣ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ и получило, наконецъ, болѣе или менѣе реальное движеніе, въ лицѣ Петра Прокофьевича еще въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія нашло ревностнаго апостола и проводника идей трезвости въ самую гущу народной массы. И если въ настоящее время, когда, говоримъ, проповѣдь трезвости стала чуть ли не модной и во всякомъ случаѣ дѣятельно поощряется и находитъ всюду мощную поддержку, все-таки успѣшная борьба съ зеленымъ змиемъ стоить большаго труда, а практическіе результаты за рѣдкими исключеніями обычно бывають ничтожными, то легко представить себѣ, какъ много тягостнѣе была она въ періодъ процвѣтанія откуповъ, когда помимо всего прочаго приходилось бороться со многими частными торговцами, по понятнымъ причинамъ становившимся личными врагами проповѣдника. И чтобы не сдать противнику позиціи, нужно было обладать немалымъ талантомъ, большимъ запасомъ энергіи и искрой любви и призванія. Литературнымъ памятникомъ трезвенныхъ трудовъ Петра Прокофьевича остался по случайнымъ обстоятельствамъ доселѣ не напечатанный обширный трудъ его подъ заглавіемъ „Трезвость—путь спасенія“, одобренный къ печати Московскимъ духовно-цензурнымъ комитетомъ. Это—сборникъ проповѣдей, произнесенныхъ ораторомъ въ разное время въ періодъ борьбы его съ пьянственнымъ порокомъ.

Другимъ литературнымъ памятникомъ пастырскаго дѣланія почившаго протоіерея Петра Прокофьевича Затворницкаго служить сборникъ проповѣдей подъ общимъ заглавіемъ „Пастырскій голосъ“, въ нѣсколькихъ выпускахъ, изъ коихъ первые четыре выпуска удостоены малой преміи Императора Петра Великаго. Проповѣди эти произнесены по самымъ разнообразнымъ случаямъ и обстоятельствамъ мѣстноприходской и общественной жизни. Сюда вошли также проповѣди, произнесенныя во время двукратнаго странствованія почившаго въ періодъ времени съ 1875 по 1877 г. г. на поклоненіе святынямъ православнаго Востока, въ Константино-

поль, Смирну, Аѳонъ, Палестину, Египетъ, а также письма его изъ этого прекраснаго далека на родину—роднымъ и разнымъ уважаемымъ лицамъ. Проповѣди эти были обращены къ спутникамъ, къ воспитанникамъ Назаретской семинаріи, къ братьямъ обитателей Іерусалима и Аѳона. Этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ, не утратившихъ современнаго значенія практическихъ указаній для православныхъ паломниковъ.

Что касается литературныхъ достоинствъ всѣхъ вообще проповѣдническихъ трудовъ Петра Прокофьевича, то справедливость требуетъ сказать, что всѣ они жизненны, сильны мыслью, выразительны, словомъ—носятъ печать слова Божія, а потому и нестарѣющи.

Личнымъ опытомъ дознанное и provato тяжкое положеніе православія въ самой колыбели христіанства отъ притѣсненій фанатичнаго ислама и происковъ инославныхъ исповѣданій, располагающихъ при бѣдности православной миссіи огромными матеріальными средствами, часто направленными на совращеніе православныхъ, вызвало усердіе Петра Прокофьевича послужить дѣлу православія обильной жертвой отъ своихъ достатковъ—имъ было пожертвовано въ девяностыхъ годахъ въ пользу Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества свыше сорока десятинъ пахатной земли, доходы съ которой идутъ на поддержаніе православія во святой Землѣ, и на ту же цѣль по нотаріальному духовному завѣщанію послѣ его смерти поступаетъ еще 217 десятинъ прекрасной земли. Думы о Сіонѣ не оставляли его и въ предсмертныя минуты, какъ не оставляли и въ теченіе всего его жизни послѣ путешествія въ св. Землѣ, памяти которой имъ посвященъ второй выпускъ „Пастырскаго Голоса“, который онъ предваряетъ такими трогательными словами: „Многовѣковый страдалецъ, современный мученикъ, истерзанный насиліемъ Ислама, осиротѣлый Востокъ,—дивная и славная заря христіанства: кого онъ въ мирную пору не принималъ въ свои отеческія объятія, кому не предлагалъ Своей обильной пищи въ священныхъ памятникѣхъ искупленія рода человѣческаго, которыми освящается вѣра, вѣдѣніе и жизнь: кого не утѣшалъ въ скорби, не врачевалъ въ болѣзни, кому не помогалъ во всякой духовной нуждѣ и обстояніи? Люди всякаго званія и состоянія, пола и возраста, каждый по степени собственной вос-

примчивости, почерпали изъ богатаго богатнаго источника восточныхъ святыхъ *воду живу* (Іоан. 4, 10). Начиная отъ святой равноапостольной царицы Елены, продолжая дивными подвижниками—иноками, доблестными труженниками—учеными и окончивая простыми читателями—поклонниками святыхъ мѣсть, всѣ стремились къ Востоку душою и тѣломъ, какъ мѣсту святѣйшему, завѣтному, безпримѣрному; усердные паломники тамъ получали новую силу, ободреніе, освѣженіе, миръ, свѣтъ, освященіе, облагодатствованіе¹⁾.

Съ православнаго Востока въ благословеніе своему родному селу и храму Петръ Прокофьевичъ испросилъ у иноковъ Русско-аѳонскаго монастыря св. Пантелеимона частицы честныхъ мощей св. великомученика Пантелеимона и св. священномученика Харлампія: „святыхъ сія (мощи), говорится въ свидѣтельствѣ монастыря отъ 11 іюля 1875 г. за № 285, даруется обителію въ неотъемлемое достояніе церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что въ с. Дейкаловкѣ, въ богатное освященіе и цѣлебную помощь причту, прихожанамъ и всѣмъ съ вѣрою, любовію и надеждою имѣющимъ притекать къ оной святыцѣ, еже и буди всѣмъ имъ представительствомъ и заступленіемъ св. страстотерпцевъ Христовыхъ Пантелеимона и Харлампія“.

И видимо всю свою послѣдующую жизнь Петръ Прокофьевичъ проводилъ въ молитвенно-возвышенной атмосферѣ. Обладая большимъ матеріальнымъ достаткомъ, который давалъ ему возможность жить, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Петръ Прокофьевичъ однако велъ чрезвычайно скромный образъ жизни, ограничивая свои потребности до крайности и съ виду непопятной скупости. Только въ предметахъ, служившихъ ему для удовлетворенія религіозныхъ потребностей духа, онъ не зналъ расчета. Такъ въ послѣднее время онъ увлекался собираніемъ иконъ древняго письма, на что расходовалъ, по видимому, значительныя суммы. Жилыя комнаты Петра Прокофьевича были установлены иконами въ большинствѣ кисти мѣстныхъ художниковъ, но онъ любилъ совершать предъ ними моленія. На многихъ иконахъ записаны молитвословія, составленныя имъ лично, и всѣ они

1) „Настырск. Голосъ“ стр. 5, выпускъ 2.

проникнуты теплотою чувства и горячей вѣрой. Охотно онъ приобрѣталъ музейныя вещи: древнія монеты, старопечатныя церковно-славянскія книги, ноты, предметы древне-византійскаго періода, какъ-то: вазы, домашнюю посуду, различныя окаменѣлости. Послѣдніе предметы въ большинствѣ добыты имъ съ южнаго берега Крыма, гдѣ процвѣтали некогда греческія колоніи. Домашнимъ своимъ музеемъ онъ вправѣ былъ гордиться. Все это указываетъ на то, что Петръ Прокофьевичъ привыкъ жить въ сферѣ вышнихъ запросовъ человеческого духа; на это же указываетъ и щедрая жертва его въ пользу четырехъ духовныхъ академій, которымъ описано каждой по прекрасной дачѣ съ благоустроенными домами и службами въ г. Балаклавѣ, Севастопольскаго уѣзда, предназначенныхъ имъ на устройство санаторіи для нуждающихся въ климатическомъ лѣченіи учащихся и учащихся. И самая жертва и назначеніе ея сами за себя говорятъ. Будучи глубоко-религіознымъ человѣкомъ, о. Петръ Прокофьевичъ живо чувствовалъ острую тоску по храмѣ тѣхъ тысячъ русскихъ людей, которые по волѣ судьбы уходять съ родныхъ насѣженныхъ мѣстъ въ мало населенныя степи Сибири, гдѣ часто на сотни верстъ кругомъ не слышно церковнаго благовѣста—и сюда онъ завѣщалъ въ фондъ Императора Александра III-го на устройство церквей въ переселенческихъ приходахъ Сибири свыше десяти тысячъ рублей.

Да будетъ же тебѣ, Петръ Прокофьевичъ, праведный Господь милостивымъ судіей и мздовоздаятелемъ.

Священникъ Григорій Рудинскій.
